

ПРАКТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ (Для научных работников и практиков образования)¹

© 2015 г. Юрий Альбертович Дмитриев²,
Сергей Валерьевич Молчанов³

Аннотация: в статье рассматривается практика обеспечения юридической защиты прав на результаты научно-исследовательской деятельности в образовании в условиях правовой неопределённости. Авторы отмечают несовершенство, пробельность и неопределённость как материальных, так и процессуальных норм отечественного законодательства, действующего в данной сфере.

Annotation: the article examines the legal protection-you're right on the results of scientific research in education in living conditions of legal uncertainty. The authors note imperfection, proselect and uncertainty of both substantive and procedural rules of domestic law-legislation in force in this field.

Ключевые слова: образование, практика обеспечения юридической защиты прав, результаты научно-исследовательской деятельности, материальные и процессуальные нормы, отечественное законодательство.

Key words: education, practice provide legal protection, the results of research activities, material and procedural rules of domestic law.

Количество легенд об учителях (педагогах) и педагогике значительно превышает количество правдивых историй, поэтому считаем необходимым начать настоящую публикацию с определения, что мы (авторы) понимаем под термином “педагогика”. В точном переводе с древнегреческого педагог (*paidagogos*) – это раб, сопровождающий ученика к знаниям, т.е. человек, несущий за ним грифельную доску для письма и отбивающий его от необразованных сверстников, которые лишены этого великого человеческого права – права учиться. В современном понимании педагогика – это наука о воспитании и обучении человека⁴. Сознавая неразрывную связь между обучением и воспитанием, всё же оставим за рамками настоящей статьи проблемы воспитания и сосредоточимся исключительно на проблемах обучения, т.е. получения образования. На наш взгляд, между

обучением и образованием существует неразрывная связь, где обучение – это форма (процесс), а образование – это содержание (результат) этого процесса. Иными словами, авторы настоящей статьи исходят из постулата о том, что получение образования при всей значимости правильной организации процесса обучения – это конечная цель названного процесса. Возможно, всё сказанное – азбучные истины для любого педагога, т.е. человека, профессионально занимающегося вопросами обучением, но, к сожалению, по этому вопросу существуют и иные точки зрения, в том числе закреплённые в действующих нормативных правовых актах. В частности, так широко разрекламированный в СМИ новый Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” от 29 декабря 2012 г. трактует образование как целенаправленный процесс, причём в этой части не устанавливает различия между образованием и обучением (ст. 2)⁵.

Далее, в нарушение сложившейся в последнее время законодательной практики названный Закон не определяет не только цели образования, но и предмета настоящего Закона. По большому счёту происходит подмена понятий: цели образования в виде системы знаний, умений, навыков

¹ Статья входит в план фундаментальных исследований в рамках выполнения Государственного задания Федеральному государственному учреждению “Институт научной и педагогической информации” Российской академии образования на 2014 г. (п. 11).

² Член-корреспондент Российской академии образования, доктор юридических наук, профессор (E-mail: info@yudmitriev.ru).

³ Учёный секретарь ИНИПИ РАО, кандидат юридических наук, доцент (E-mail: milchanov.map@gmail.com).

⁴ См.: Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М., 2008. С. 625.

⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

(всё это есть в Законе, но в отсутствии главного – итога, в виде обладания профессией) и процесса его получения в виде продвижения обучаемого к этой цели. Основная задача процесса обучения, по мысли авторов Закона, сводится к получению документа об образовании, а вовсе не овладению профессией.

Однако предмет настоящей статьи значительно уже, чем собственно цели и задачи образования. Его содержание ограничивается рассмотрением процесса и целей научно-исследовательской деятельности в образовании. Иными словами, рассмотрение процесса вторичной, подчинённой первой образовательной деятельности, деятельности научной, но осуществляемой в рамках образовательной организации. Это уже предмет иного правового регулирования, а именно – Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике” от 23 августа 1996 г., действующего сегодня с многочисленными изменениями и дополнениями⁶.

Очевидно, нормативно-правовое регулирование научно-исследовательской деятельности, обозначенной в названии настоящей статьи, в большей степени является объектом регулирования норм именно этого нормативного правового акта. Чтобы окончательно в этом удостовериться, обратимся к содержанию ст. 2 “Основные понятия...” настоящего Закона, из которой следует, что научно-исследовательская деятельность – это “деятельность, направленная на получение и применение новых знаний”. Но это есть, как следует из приведённой выше нормы, и цель образования. Разница, на наш взгляд, состоит только в том, что в процессе образования происходит получение знаний новых только для субъектов образования – собственно обучаемых, а в научно-исследовательской деятельности получаемые в её процессе знания являются новыми для всех без исключения участников процессов – и образовательного, и научно-исследовательского.

Отсюда первый вывод: образовательная и научно-исследовательская деятельность – это близкие области нормативно-правового регулирования, и их практическое регулирование должно осуществляться если не единым Законом, то актом, устанавливающим межпредметные связи, что в рассматриваемых Законах практически полностью отсутствует. Вывод второй: эту коллизию

между двумя Федеральными законами авторы настоящей статьи предлагают впредь именовать “нормативной неопределённостью”.

Из дальнейшего анализа Закона о науке становится ясно, что все научные исследования делятся на фундаментальные и прикладные, где первые “направлены на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды”, а вторые – “на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач”. Мы не возьмём на себя смелость определять, исследований какого типа в области образования фактически на сегодняшний день больше, и какие из них представляют для развития образования большую ценность. Во-первых, это – предмет иного исследования; во-вторых, по нашему мнению, этот вопрос должен решаться применительно к каждой конкретной ситуации индивидуально. Но один вывод бесспорен: каждый из этих типов исследования должен завершаться своим результатом, и каждый результат должен быть обеспечен своими средствами юридической защиты. И вот здесь мы, наконец, подходим к главному – оценке и защите результатов научно-исследовательской деятельности в образовании.

Прежде чем приступить к решению поставленной задачи, мы должны определиться в одном важном вопросе: в какой сфере общественной жизни осуществляются рассматриваемые нами исследования? Закон о науке вводит в юридический оборот понятие “научный и (или) научно-технический результат”, под которым понимается “продукт научной и (или) научно-технической деятельности, содержащий новые знания или решения и зафиксированный на любом информационном носителе”.

Итак, результат научно-исследовательской деятельности должен отвечать двум необходимым требованиям: 1) обладать признаками новизны и 2) быть зафиксированным на информационном носителе.

Прежде чем продолжить рассуждения на эту тему, необходимо установить ещё один немаловажный, с нашей точки зрения, признак научно-исследовательской деятельности в образовании – это её преимущественно гуманитарный характер. Разумеется, данный признак не обладает императивным характером. Иными словами, в сфере образования нельзя полностью исключить научно-технические исследования и полученный на выходе прикладной результат, т.е. такой результат, который можно, условно говоря, “пощупать руками”

⁶ См.: Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137; 1998. № 30. Ст. 3607; 2006. № 50. Ст. 5280; 2011. № 45. Ст. 6321; 2012. № 31. Ст. 4324; № 50. Ст. 6963; 2013. № 19. Ст. 2320; № 27. Ст. 3477; № 39. Ст. 4883; № 44. Ст. 5630; 2014. № 31. Ст. 4324; № 50. Ст. 6963.

и оценить визуально. Но всё-таки большая часть результатов научно-исследовательской деятельности в образовании имеет субъективный умозрительный характер. Значит, их новизну можно оценить только условно – путём сравнения с результатами иных исследований или полученными прежде (уже существующими) знаниями.

Поэтому важнейшим и едва ли не единственным признаком новизны результатов такого рода исследований является их фиксация на информационном носителе. Как известно, основным информационным носителем, приоритетно используемым для фиксации результатов научно-исследовательской деятельности в области гуманитарного знания, являются научные статьи и иные публикации их авторов. Причём по результатам субъективно сложившейся в последние годы практики это – не сами статьи, а факт их попадания в список ВАК России, национальную (Российский индекс научного цитирования – РИНЦ) или одну из международных баз цитирования (МБЦ) – “Web of Science” (Сеть науки) и (или) “Scopus” и др.

Что касается первого списка, то легальные критерии для включения журналов в указанный список появились только спустя несколько лет после обнародования первого его варианта. Речь идёт о Приложении № 2 к Приказу Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793, которым обнародованы самые общие, на наш взгляд, Требования к рецензируемым изданиям для включения в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора юридических наук⁷. Факт столь запоздалого появления указанных критериев работники ВАК России в личной беседе с одним из авторов этих строк объясняли просто: “Если мы опубликуем эти критерии, то все журналы сразу же будут им соответствовать”. Объективности ради следует заметить, что этот вывод не был далек от истины. Так, например, одним из утверждённых требований к изданию, включаемому в список ВАК, является “рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих её (так в оригинале. – Ю.Д., С.М.) тематике, с целью экспертной оценки”.

В свою очередь, рецензенты должны являться “признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов”, что подтверждается наличием у них в течение последних трёх лет публикаций по тематике рецензируемой статьи.

Всё – круг замкнулся: для написания рецензии её автору необходимо иметь неопределённое количество нерцензируемых статей, опубликованных в издании, к которому, в свою очередь, не установлены какие-либо специальные требования. И вновь, как и в начальный период существования ваковского списка, мы возвращаемся к механизму административного усмотрения.

Ещё одна любопытная деталь: новая редакция приказа Минобрнауки не устанавливает такого возможного условия для внесения российского журнала в список изданий, рекомендованных ВАК, как включение их в МБЦ “Scopus” или “Web of Science”, присутствовавших в предшествующих редакциях аналогичных нормативных актов. С одной стороны, это обстоятельство стимулирует учредителей соответствующих изданий на активный повседневный поиск способов выполнения требований ВАК в отношении публикуемых материалов. С другой, – по нашему мнению, ведёт к дальнейшей изоляции отраслей российской науки от их аналогов за рубежом и в целом от международной науки.

В этой связи нельзя не обратить внимания ещё на одну правовую неопределённость, заложенную в подзаконных актах, действующих в рассматриваемой сфере. Так, Положение об экспертном совете Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ⁸, утверждённое приказом Минобрнауки России от 25 декабря 2013 г. № 1393, а также Положение о совете по защите диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук, на соискание учёной степени доктора наук, утверждённое приказом Минобрнауки России от 13 января 2014 г. № 7, содержат аналогичные нормы: “члены совета должны иметь учёную степень доктора наук либо учёную степень, полученную в иностранном государстве, признаваемую в Российской Федерации, обладателю которой предоставлены **те же академические и (или) профессиональные права, что и обладателю учёной степени доктора наук, полученной в Российской Федерации** (выделено нами. – Ю.Д., С.М.)”⁹. Однако Правительством РФ 11 августа 2014 г. издано распоряжение № 1503-р “Об утверждении перечня иностранных научных и образовательных организаций, которые выдают документы об учёных степенях и учёных званиях, признаваемых на территории Российской Федерации”¹⁰, которым учёные степени Doctor большинства

⁸ См.: там же. 2014. 5 марта. С. 19.

⁹ Там же. С. 22.

¹⁰ См.: Собрание законодательства РФ. 2014. № 33. Ст. 4645.

⁷ См.: Росс. газ. 2014. 8 окт. С. 23.

иностранных организаций, признанных ведущими учебными и учебно-научными учреждениями как в мире, так и в России, были приравнены к российской учёной степени “кандидат наук”. При этом отсутствует указание на то, какие же учёные степени, “полученные в зарубежных организациях”, соответствуют учёной степени доктора наук, полученной в России.

С точки зрения иерархии нормативных правовых актов распоряжение Правительства РФ, к тому же изданное позже, чем приказ федерального Министерства, безусловно, имеет более высокую юридическую силу. Однако, как быть с иностранными учёными, вошедшими в состав российских диссертационных советов? Обладают ли они при решении вопросов о присуждении учёных степеней соискателям “теми же академическими правами и (или) профессиональными правами, что и доктора наук в Российской Федерации”?

В этом отношении второй список составляется, на наш взгляд, “честнее”. В список РИНЦ пока действительно включаются в “уведомительном порядке” все зарегистрированные в порядке, установленном ст. 8 Закона РФ “О средствах массовой информации” от 27 декабря 1991 г.¹¹ (в последующей ред.), издания, и на основании индекса цитируемости этого списка производится оценка “научной значимости” учёных-гуманитариев, работающих в том или ином научном и (или) научно-учебном учреждении.

Как известно, проект РИНЦ разрабатывается с 2005 г. компанией “Научная электронная библиотека” (eLIBRARY.RU)¹². На сегодняшний день статус РИНЦ юридически не закреплён (находится в состоянии правовой неопределённости), хотя отдельные попытки в этом направлении предпринимаются. Поэтому для его объективной оценки ограничимся воспроизведением оценок, данных отдельными отечественными исследователями. Так, по мнению главного редактора журнала “Право и современное государство” С.В. Бошно, РИНЦ – “это не только система индексирования, в первую очередь это база данных, содержащая информацию о публикациях изданий, включённых в него. На сегодня в системе находится научная информация 4,7 млн. публикаций, более 4000 журналов. 1700 журналов размещены в открытом доступе в eLibrary. Это обеспечивает исследователей актуальной научной и справочно-библиографической информацией. Система содержит не только

статьи, но и доклады на научных конференциях, учебные пособия, учебники, патенты, диссертации. Пока проект находится в стадии разработки в части наполнения базы данных публикациями за период 2003 – 2013 годы. Этот ретроспективный вектор работы имеет большое значение, так как существенно расширит методологическую базу современных исследователей”¹³.

Авторы настоящей статьи полностью поддерживают положительную оценку, данную индексу РИНЦ уважаемым экспертом. Однако далее С.В. Бошно пишет: “Мы заменили всё многообразие оценок (новое, интересное, полезное и т.п.) на один измерительный прибор с непонятной шкалой”. К сожалению, и с этой оценкой рассматриваемого индекса нельзя не согласиться. На наш взгляд, оптимальный способ приведения этого индекса в форму единого для всех пользователей понимания – это введение юридического порядка его регулирования. Объективности ради следует заметить, что данное предложение адресовано юридической практике не впервые¹⁴. Как отмечалось выше, ранее предпринимались отдельные попытки ввести РИНЦ в правовое русло, но эти попытки носили, во-первых, подзаконный, а во-вторых, не слишком удачный характер. В их числе прежде всего необходимо назвать Правила оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технические работы гражданского назначения, первоначально утверждённые постановлением Правительства РФ от 8 апреля 2009 г., ныне действующие в редакции нового постановления с тем же названием от 1 ноября 2013 г.¹⁵ В соответствии с этими Правилами все научные организации по итогам оценки результативности их деятельности были разделены на три категории:

1-я – лидеры;

2-я – стабильные научные организации, демонстрирующие удовлетворительную активность;

3-я – научные организации, утратившие научную деятельность в качестве основного вида деятельности и перспективы развития.

Абсурдность подобного деления, по нашему мнению, заключается, во-первых, в том, что “при

¹¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

¹² См.: Википедия: свободная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org>

¹³ Бошно С.В. Российский индекс научного цитирования // <http://dx.doi.org/10.14420/ru.2013.5.1>.

¹⁴ См.: Степанова А.В., Мусаева А.О., Девятая Д.А. Правовые проблемы цитирования // Волжский политехнический ин-т (ф-л) Волгоградск. гос. тех. ун-та // <http://www.volpri.ru>

¹⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 2009. № 15. Ст. 1841; 2013. № 45. Ст. 5815.

отнесении научной организации к 1-й или 2-й категории результативность деятельности структурных подразделений научных организаций не оценивается (! – Ю.Д., С.М.), за исключением обособленных структурных подразделений...” (п. 21), т.е. в науке был сформирован класс юридически “неприкасаемых”, чья деятельность априори признавалась весьма эффективной. Во-вторых, только в случае отнесения научной организации к 3-й (негативной) категории решением **ведомственной комиссии** (выделено нами. – Ю.Д., С.М.) проводится искомый “экспертный анализ результативности деятельности структурных подразделений указанной научной организации” (п. 27).

Ущербность такого подхода состоит, на наш взгляд, в необъективном (ведомственном) подходе к оценке работы научных организаций и в отсутствии объективных критериев проведения этой оценки. По отношению к научным организациям, осуществляющим свою научно-исследовательскую деятельность в области гуманитарных наук, одним из таких объективных критериев мог бы стать РИНЦ, что и было учтено Министерством образования и науки РФ при разработке “Типовой методики оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения”, впервые утверждённой приказом Минобрнауки России от 14 октября 2009 г. В настоящий момент этот приказ утратил силу и заменён одноимённым приказом от 5 марта 2014 г.¹⁶ Эти правила были разработаны во исполнение вышеназванного постановления Правительства РФ и включают помимо РИНЦ ещё около 40 количественных показателей, характеризующих различные стороны деятельности научных организаций. Однако проблема состоит в том, что не все научные организации, действующие в нашей стране, входят в систему Минобрнауки. К тому же, как отмечают директор БЕН РАН Н.Е. Каленов и учёный секретарь БЕН РАН О.В. Селюцкая, система РИНЦ, мягко говоря, ещё весьма далека от совершенства. Их вывод, сделанный в большой, содержащей в себе серьёзные аргументы аналитической статье категоричен: “В настоящее время использовать РИНЦ для серьёзного библиометрического анализа, а тем более для оценки качества отдельных учёных и научных организаций нельзя”¹⁷. Хотя

эта оценка дана четыре года назад, но, по нашему мнению, она сохранила свою актуальность.

Однако даже на основании этого категоричного вывода нельзя принимать решение об отказе от использования РИНЦ в качестве основания для объективной оценки результатов научно-исследовательской деятельности в области гуманитарных наук. Тому есть ряд объективных и субъективных аргументов. Во-первых, нельзя не согласиться с И. Ивойловой и Л. Ионовой в том, что компьютер выявляет не плагиат в чистом виде, а его вероятность¹⁸, после чего необходимо вмешательство в процесс его обнаружения человека для принятия окончательного объективного решения. “Сейчас программа, – продолжает Л. Ионова, – работает в основном с текстовыми файлами. Схемы, чертежи, математические формулы для неё пока – белое пятно. Так что плагиат – слабое место в основном у гуманитариев: историков, философов, литературоведов”. Во-вторых, РИНЦ – одна из относительно новых и в силу этого до конца не отработанных баз цитирования. Для сравнения с названными ниже зарубежными базами цитируемости Н.Е. Каленов и О.В. Селюцкая приводят следующие цифры числа журналов, входящих в названные системы: РИНЦ – 1500, “Web of Science” – 11 000 и “Scopus” – 17 000¹⁹.

Что же касается двух международных баз цитирования, значение и критерии отбора в них российских журналов для национальной научной общественности не вполне ясны. На сегодняшний день в различного рода международных базы включено 316 российских журналов, причём подавляющее большинство из них относится к группе наук технического профиля²⁰. Думается, слабый интерес к российским гуманитарным наукам со стороны иностранных учёных – это естественное следствие предшествовавшего 70-летнего периода господства одностороннего марксистско-ленинского подхода к пониманию и толкованию большинства проблем общественного развития. Однако с момента отказа от этого подхода прошло уже более 20 лет, отечественная гуманитарная наука в корне изменилась. Продвижение российских гуманитарных журналов в международные базы цитирования – это задача их учредителей и коллективов редакций. Остаётся только сожалеть, что такой уважаемый журнал, как “Государство и право” РАН, не включён в существующие базы

¹⁶ Вступил в силу 29 июля 2014 г. (см.: Росс. газ. 2014. 18 июля).

¹⁷ Каленов Н.Е., Селюцкая О.В. О российском индексе цитирования // XIV науч.-практ. семинар “Информационное обеспечение науки: новые технологии”. Екатеринбург, 2010 // <http://www.benran.ru/magazin/inaros/seminar/2010/21.doc>

¹⁸ Ивойлова И., Ионова Л. Чужая мысль онлайн // <http://www.rg.ru/2010/03/30/plagiat.html>

¹⁹ См.: Каленов Н.А., Селюцкая О.В. Указ. соч.

²⁰ См.: <http://www.mgsu.ru> (По сост. на 15.10.2014 г.).

цитирования, за исключением отечественных РИНЦ и eLIBRARY.RU²¹.

В связи с установлением индекса цитируемости как критерия “научной значимости” учёных-гуманитариев, работающих в том или ином научном и (или) научно-учебном учреждении, нельзя не обратиться к такому вопросу, как соотношение фундаментальных и прикладных исследований в той или иной области научного знания. Не секрет, что на последние ссылки других авторов в силу их актуальности, сиюминутной востребованности и “популярности” (просим прощения за не очень научный оборот) будет гораздо больше, особенно в области гуманитарных наук, чем на работы фундаментальные, чьё научное значение получит заслуженное признание лишь спустя какое-то (иногда весьма продолжительное) время. В области наук естественных вопрос решается проще. Примером чего является получение на Нобелевской неделе 2014 г. премий как авторами фундаментальных исследований по физиологии и медицине, так и прикладных исследований по физике²².

В вопросах статей гуманитарной тематики (во всяком случае в нашей стране) ситуация иная. Так, в Топ-10 российских журналов по импакт-фактору РИНЦ на первое место вышел “Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации”, который носит очевидный прикладной характер, с показателем 1.787, а на третьем месте с импакт-фактором в два с лишним раза ниже (0.781) оказался теоретический журнал со славной многолетней историей (год изд. 1927) – “Государство и право”²³.

Возвращаясь к теме юридической защиты результатов научно-исследовательской деятельности в образовании, необходимо указать, что помимо названных выше Законов в области нормативного регулирования этой сферы общественной жизни действуют ещё майские Указы Президента РФ – своеобразный “Новый завет” наших дней. Так, в их число вошёл, в частности, Указ “О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки” от 7 мая 2012 г.²⁴ (К слову, в названии этого акта образование и наука присутствуют в единстве.) В этот нормативный правовой акт по необъяснимой логике попала только база данных “Web of Scienes” (для чего же нужны РИНЦ и другие базы цитирования?), а задача увеличения доли публикаций российских исследователей в этой базе к 2015 г.

должна быть увеличена до 2.44%. В случае опубликования настоящей статьи авторы могут считать её вкладом в выполнение предвыборной программы Президента РФ.

Однако, возвращаясь к объективному анализу нормативно-правовой материи, очень хочется понять: во-первых, откуда взялась эта точная цифра – 2.44% и много это или мало для России? Во-вторых, что должны сделать отечественные исследователи в области образования, чтобы увеличить число российских гуманитарных журналов, входящих в заветную международную базу цитирования? В-третьих, учитывая, что те колоссальные различия между российской и международной гуманитарными науками, возникшие в советский период нашей истории, до сих пор полностью не преодолены, как сделать российскую науку об образовании привлекательной для зарубежного исследователя? Налицо следующий уровень правовой неопределённости.

И наконец, самое главное, что побудило авторов настоящей статьи обратиться к заявленной теме – это обозначенная в заглавии юридическая защита результатов научно-исследовательской деятельности. Иными словами, защита от ставших модными в последнее время обвинений в плагиате. Как известно, под плагиатом понимается умышленное присвоение авторства на чужое произведение науки, литературы, искусства (в целом или в части) или изобретение²⁵. Плагиатор (в точном пер. с лат.) – похититель. Даже из этих примитивных пояснений очевидно, что проблема плагиата – это проблема не только деятельности в образовании, но и во многих других областях научного, прежде всего гуманитарного, знания. В контексте настоящей статьи мы рассматриваем плагиат только как нарушение авторского права, поскольку именно авторское право – это право извлекать выгоды из созданий умственного труда²⁶. Современное авторское право – это многозначное понятие, содержание которого урегулировано нормами гл. 70 части четвертой ГК РФ²⁷. Однако в последнее время (и не без участия современных информационных технологий) обнаружение результатов научно-исследовательской деятельности и последующая их защита представляют немалую проблему.

Во-первых, если результат этой деятельности есть исключительное право человека на продукты

²¹ См.: <http://www.igpran.ru> (По сост. на 15.10.2014 г.).

²² Подробнее см.: Росс. газ. 2014. 7 окт. С. 1; 8 окт. С. 1.

²³ См.: <http://www.ger.ru/news/publikatsii/308343/>

²⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2336.

²⁵ См.: Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Указ. соч. С. 645.

²⁶ См.: Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. 11. Общественно-юридический. М., 1911.

²⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

работы его головного мозга, то абсолютная их защита заключается в сокрытии этих результатов от окружающих и иных субъектов познавательной деятельности. Следовательно, любое обнаружение этих результатов в порядке, определённом ст. 1268 ГК РФ, чревато опасностью плагиата. Иными словами, кражи содержания этих результатов, изложенных в них идей, фактического материала, выводов и т.п. Но сама цель осуществления научно-исследовательской деятельности в любой области гуманитарного знания предполагает их последующее обнаружение. Иной подход превращает эту деятельность в лишённую цели и смысла. Следовательно, любой исследователь в сфере образования и иных гуманитарных наук потенциально превращается в объект невольных покушений плагиатора (похитителя результатов его интеллектуальной деятельности). Не сегодня человечество изобрело универсальный способ защиты такого рода объектов интеллектуальной собственности – судебный процесс, в котором бремя доказывания ложится на истца. Собственник спорного предмета интеллектуальной собственности доказывает своё авторство путём представления в суд неоспоримых доказательств принадлежности ему авторского права на данный объект.

Применительно к частному случаю, когда результат научно-исследовательской деятельности выражается в защите диссертации на соискание той или иной учёной степени, в соответствии с ещё одним подзаконным актом – п. 14 Положения о присуждении учёной степени (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г.) – “соискатель обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов”²⁸. Д.А. Медведев, подписавший указанное постановление, видит дальнейшую работу с такого рода результатами научно-исследовательской деятельности весьма просто. Он предлагает “бороться с плагиатом с помощью тех же самых современных технологий. Нужно сделать, например, хотя бы дипломные работы общедоступными, обеспечить возможность их автоматической проверки на плагиат. Это гарантирует и защиту авторских прав начинающих исследователей, и преподаватели смогут обсуждать и комментировать работы”²⁹.

При этом ни цитируемый нормативный правовой акт, ни его подписант никак не разделяют

источники заимствования на общеизвестные и индивидуально определённые. В качестве примера сошлёмся на диссертационные и иные научно-исследовательские работы в области юриспруденции, которые не могут не содержать в своём тексте ссылок и прямого цитирования нормативных правовых актов, которые система “Антиплагиат” отображает как некорректные заимствования. Есть и ещё одна проблема защиты результатов такого рода деятельности в образовании. Так, по мнению Е.А. Суханова, “ежегодно студенты многих сотен и тысяч учебных учреждений Российской Федерации выполняют курсовые и дипломные работы, а также участвуют в создании иных произведений (творческих проектов). Курсовая и дипломная работа – квалификационные работы (проекты), представляющие собой труд студентов по изучению конкретной области знаний (науки и т.д.). Уровень современных работ с каждым годом растёт, и многие дипломные работы близки к уровню кандидатских диссертаций – и по объёму, и по содержанию”³⁰. Следовательно, их авторы не заинтересованы в их обнаружении через систему “Антиплагиат” по соображениям дальнейшей работы над их содержанием (например, последующей защите в виде диссертации). К сказанному добавим, что система “Антиплагиат” также покажет цитирование автором своих прежних работ как факт плагиата. Следовательно, в условиях такой правовой неопределённости представляется оптимальным решение вопроса об авторстве на результаты научно-исследовательской деятельности в судебном порядке на основе норм ГК РФ, а не иных подзаконных актов.

Во-вторых, судебный спор о принадлежности результатов научно-исследовательской деятельности осложняется таким обстоятельством, как определение источника финансирования. Дело в том, что их может быть, как минимум, два: бюджет и собственные средства автора (юридического или физического лица). В последнем случае автор и собственник полученных результатов научно-исследовательской деятельности совпадают, и число оснований для судебного спора сокращается. Дело обстоит сложнее, когда автор результата и собственник различны. Например, финансирование осуществляется за счёт государственного (или иного бюджета), а авторство результата исследования принадлежит коллективу или отдельному физическому лицу. В большинстве случаев правовая неопределённость в такой ситуации раз-

²⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 2013. № 40 (Ч. 3). Ст. 5074.

²⁹ Медведев Д.А. “Умение учиться незаменимо в современном мире”. 2012. 13 сент. // <http://blog.da-medvedvedev.ru/post/252>

³⁰ Интервью с доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой гражданского права, деканом юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Е.А. Сухановым // Законодательство. 1998. № 10.

решается путём юридического закрепления государственного (муниципального, академического или иного другого) заказа или предварительным договором на выполнение тех или иных научно-исследовательских работ. Однако и в такой ситуации вопрос об авторстве и механизме его учёта остаётся открытым. (Очередной пример правовой неопределённости.)

В завершение оценки федеральной части практики обеспечения юридической защиты прав на результаты научно-исследовательской деятельности в образовании нельзя не упомянуть, что эта система продолжает совершенствоваться. Так, на общественное обсуждение вынесен проект Концепции модернизации системы аттестации научных кадров высшей квалификации в Российской Федерации³¹. Так, Концепция предусматривает установление требований по опубликованию научных результатов в научных изданиях и журналах, индексируемых в международных базах (“Web of Science”, “Scopus” и др.), или в создаваемой национальной системе научных изданий на русском языке (п. У.2). Сроки исполнения основных пунктов дорожной карты реализации Концепции предложенной модернизации ещё в проекте так и остались невыполненными, что добавляет элементы правовой неопределённости в рассматриваемый вопрос.

Однако к чести некоторых субъектов Федерации они оказались оперативнее в решении вопросов закрепления прав (в том числе авторства) на результаты научно-исследовательской деятельности. В частности, Закон Пермского края «О внесении изменений в Закон Пермского края “О дополнительных мерах социальной поддержки отдельных категорий лиц, которым присуждена учёная степень доктора наук”» от 5 марта 2013 г. устанавливает минимальные требования к докторам наук, работающим в государственном учебном заведении, включающие в числе прочих “наличие не менее десяти публикаций статей в РИНЦ, изданиях, входящих в список, утверждённый ВАК России, либо в изданиях, входящих в международные системы научного цитирования, но при наличии не менее одной публикации статей в изданиях, входящих в Web of Science и (или) Scopus”³². Разумеется, это – частный пример, но всё же вносящий некоторую правовую определённость в вопрос обеспечения прав на результаты научно-исследовательской деятельности, в том

числе в области образования. Правда, действующий только на части территории Российской Федерации.

Не можем не остановиться ещё на одном весьма важном, с нашей точки зрения, вопросе: судебной практике защиты прав на результаты научно-исследовательской области в гуманитарной сфере. В настоящее время Интернет переполнен обзорами судебной практики по этим вопросам³³. Несмотря на большое разнообразие предметов этих споров, их объединяет одна общая черта: суды выявляют существенные недостатки действующего законодательства в области интеллектуальной собственности и авторского права. Значительным шагом в устранении нормативной неопределённости в этой области стало создание Суда по интеллектуальным правам³⁴. На сегодняшний день Суд уже вынес более 8 тыс. решений по названным вопросам, однако их рассмотрение – предмет иного исследования. Мы же ограничимся ссылкой на мнение специалиста по интеллектуальным правам С.А. Голунова, руководителя коммерческой и договорной практики юридической фирмы “Юста аура”, который констатирует серьёзную пробельность принимаемого в рассматриваемой области российского федерального законодательства³⁵.

В завершение изложенного необходимо констатировать несовершенство, пробельность и неопределённость как материальных, так и процессуальных норм отечественного законодательства, действующего в сфере практического обеспечения юридической защиты прав на результаты научно-исследовательской деятельности в образовании. Объективности ради следует отметить, что эта сфера нормативного регулирования относится к числу новых, ранее не востребованных юридической практикой нашей страны. Мы будем благодарны читателям за отзывы, критику, пожелания и рекомендации в дальнейшей работе над этой темой.

³³ См., например: ООО «Юридическая фирма “Городисский и партнёры”»: 32948329; 1637808958; 1890668380 и др. // http://obzor_sudebnoi_praktiki_v-sfere...pdf

³⁴ См.: Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и Федеральный конституционный закон “Об арбитражных судах Российской Федерации” в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» от 6 декабря 2011 г. // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7334.

³⁵ См.: http://www.obzor_izm_zakon.docx (По сост. на 9.10.2014 г.).

³¹ См.: Официальный ресурс Министерства образования и науки РФ. Постоянная ссылка: <http://минобрнауки.рф/документы/3307>

³² <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 14.03.2013 г.).